

В. В. Каширина

Духовное настроение русского общества конца XIX — начала XX в.

Публикации о прп. Амвросии Оптинском в журнале «Душеполезное чтение»

В журнале «Душеполезное чтение» в конце XIX — начале XX века публиковались многочисленные материалы, связанные с духовными традициями и историей Оптиной Пустыни. Причем на страницах журнала издатели давали не только разнообразные материалы, подготовленные в редакции и в самой обители, но также предоставляли слово самим читателям, желающим поделиться и своими материалами, и своими мнениями по поводу публикаций. В журнал готовили публикации как миряне, так и люди духовного звания, обращались князья из великосветского столичного общества и простые мещане из российской глубинки. Журнал был живым голосом эпохи, который через многие годы мы можем услышать с его страниц.

Духовные издания начали появляться в России с середины XIX в. До этого времени материалы на духовные темы публиковались в светских журналах. Существовало также небольшое количество изданий, выходивших при Духовных академиях, — старейшее из них — «Христианское чтение», издававшееся с 1821 г. при Санкт-Петербургской Духовной академии. В 1840 г. духовное чадо оптинских старцев С. О. Бурачек основал в Петербурге журнал «Маяк», «журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской», в котором публиковались материалы духовного содержания.

Среди православной периодики были издания официальные: «Церковные ведомости» — орган Святейшего и Правительствующего Синода, «Московские церковные ведомости» — официальное издание Московской Синодальной конторы и др. Основателями духовных журналов были и частные лица. Например, известный книгоиздатель П. П. Сойкин основал и выпускал журнал «Русский паломник» при участии св. праведного Иоанна Кронштадтского. С 1860-х

начали издаваться региональные епархиальные ведомости, которые освещали жизнь в епархиях. Популярными были журналы для семейного чтения: «Домашняя беседа для народного чтения», «Доброе слово», «Кормчий» и др.

Вторая половина XIX в. — это время, когда появлялись многочисленные новые издания духовной периодики, рассчитанные на самые разные слои населения — на серьезных богословов, сельских пастырей, православное воинство и юношество.

Как ежемесячное духовное издание журнал «Душеполезное чтение» был основан по инициативе московского священника А. И. Ключарева и при активном содействии митрополита Московского Филарета (Дроздова) и начал выходить в Москве в 1860 г. На страницах журнала печатались труды по вопросам изучения Священного Писания, творений Отцов Церкви, а также материалы церковно-исторического характера, сведения о церковной жизни в России и на православном Востоке, рассказы и очерки о жизни духовенства. В разное время редакторами журнала были как виднейшие представители московского духовенства, так и миряне: А. И. Ключарев (в монашестве Амвросий, архиепископ Харьковский, 1860—1866 гг.); В. П. Нечаев (в монашестве Виссарион, епископ Костромской и Галичский, 1866 г.); Дмитрий Федорович Касицын (1889—1901 гг.); проф. МДА А. И. Введенский (1902—1907 гг.); священник М. П. Фивейский (1908—1911 гг.) прот. Соловьев И. И.; епископ Василий (Преображенский); Н. П. Касаткин; епископ Арсений (Жадановский); И. Г. Айвазов.

В конце XIX — начале XX в. в журнале «Душеполезное чтение» печатались целые подборки материалов об Оптиной Пустыни. Большинство материалов в журнале появилось впервые, а неко-

торые — и единственный раз. Именно поэтому обращение к журнальным публикациям, как правило, приносит много открытий. После кончины старца Амвросия в «Душеполезном чтении» публиковались многочисленные материалы по истории обители. В одном номере журнала, который выходил ежемесячно, могло содержаться иной раз по несколько различных статей об оптинском старчестве. Журнал стал своего рода печатным органом обители, которая щедро делилась своими материалами, а также печатным изданием, где мог высказаться любой читатель и поделиться своими воспоминаниями и размышлениями. Подобная диалогичность обеспечивала успех журналу, где читатели чувствовали свою причастность творческому процессу. Редакция охотно помещала читательские отклики на многие публикации. Время идет, и сегодня, чтобы понять прошедшую эпоху, почувствовать ее духовный пульс, бывает необходимо перелистать старые дореволюционные журналы...

После кончины прп. Амвросия журнал «Душеполезное чтение» одним из первых поместил на своих страницах краткие сведения о жизни подвижника. В ноябрьском номере появился некролог, где было сказано о преемственном старческом служении прп. Амвросия: «„Оптинские лишились о. Макария“, — писал великий святитель Московский Филарет по кончине известного оптинского старца иеросхимонаха Макария (Иванова), от 15 сентября 1860 г. наместнику Сергиевой лавры архимандриту Антонию. — „Думаю, остались от него добрые духовные наследники: но найдется ли, кто мог бы поддержать их в единстве духа и возглавить?“ В числе этих добрых духовных наследников, чад отца Макария, в числе драгоценных камней, украшавших духовный венец его, уже тогда более других сиял советом и разумом иеромонах Амвросий, который вскоре же по кончине о. Макария и был избран на то, чтобы всех этих духовных чад его поддержать в единстве духа и возглавить, т. е. избран духовным руководителем обители, старцем. И он подлинно стал *похвалою чадом*, сделавшись известным и славным не только среди братии обители, но и во всей России» (1891. № 11. С. 478–482)¹.

Именно с конца 1891 г. в журнале начинают публиковаться обширные подборки материалов о прп. старце Амвросии, при обзоре-

нии которых мы выделили несколько тематических групп: 1. Жизнеописание. Стихи; 2. Изречения прп. Амвросия; 3. Воспоминания о старце; 4. Материалы по истории обители; 5. Старчество; 6. История обители.

Жизнеописание. Стихи

В журнале «Душеполезное чтение» было опубликовано одно из первых жизнеописаний старца, составленное его духовным сыном иеромонахом Григорием (Борисоглебским, 1867—1893). Этот яркий церковный проповедник и писатель скончался в раннем возрасте в сане архимандрита, далеко еще не раскрыв все свои многообразные таланты. В Полном жизнеописании прп. Амвросия, составленном о. Агапитом (Беловидовым), обычно помещаются две речи иеромонаха Григория перед отпеванием и погребением преподобного Амвросия. По свидетельству современников, о. Григорий «глубоко, до благоговения, чтит этого подвижника, по совету и благословению которого принял монашество и которому вообще был многим обязан. Иеросхимонах Амвросия, согласно Нилу Синайскому, спасение своей души полагавшего в служении спасению других и потому широко отворявшего дверь своей кельи всем приходившим к нему с горестями, скорбями и нравственными терзаниями и жаждавшим получить от него духовный совет, назидание и благословение, о. Григорий считал образцом для себя в прохождении иноческого поприща. Присутствовавший в качестве депутата от Московской Академии на погребении оптинского старца, о. Григорий возвратился с похорон его каким-то восторженным и умиленным; он собственными глазами увидел многое из того, что сделано о. Амвросием на местах его служения, и был свидетелем целого ряда высоких и трогательных проявлений благоговения и любви народа к почившему подвижнику»².

Замысел составить жизнеописание старца возник у о. Григория, вероятно, еще в Оптиной Пустыни. Он привез в Академию и некоторые источники для составления жизнеописания: записки шамординских монахинь и др. Работа шла быстро, вдохновенно, и уже с января 1892 года (т. е. через два с половиной месяца после кончины старца) в журнале стали печататься первые главы «Сказания о житии оптинского старца, отца иеросхимонаха Амвросия». Сам

¹ Здесь и далее в скобках указываем год, номер и страницы публикации в журнале «Душеполезное чтение».

² Миловский Н., свящ. Воспоминания о архимандрите Григории (Борисоглебском), бывшем инспекторе Московской Духовной Академии: по поводу 3-х лет кончины // Душеполезное чтение. 1897. № 2. С. 305–318.

Старец Макарий Оптинский

автор со страниц журнала обращался к читателям: «Оглядываешься теперь назад и заключаешь, что после смерти этот любвеобильнейший монах, всех всегда так просто принимавший с неподдельною любовью, выглядит столь великим, что чувствуется просто бессилие охватить его духовный образ во всей его полноте. Но постараемся сделать по крайней мере то, что в наших силах, да сохранится в назидание и поучение наших будущих поколений — и пастырей, и пасомых, и иноков, и мирян — надолго этот дивный образ почившего. Пусть приснопамятный о. Амвросий, ласковый, любвеобильный и простой, пусть всегдашний сопечальник всех печальных при своей земной жизни и после смерти своей будет жить среди нас. Пусть его житие и его духовный образ по-прежнему будут привлекать к себе своим христианским светом и светить в нашу земную жизнь. Да благословит же Господь Бог сию нашу первую попытку предать письмени житие сего великого мужа!» (1892. № 1. С. 20–21).

По мнению современников, жизнеописание, составленное о. Григорием, было «проникнуто теплотою чувства, интересно по содержанию и изложено живо, местами изящно, художествен-

но». С первых же глав «Сказания» особое внимание на молодого автора обратил другой русский подвижник и автор «Душеполезного чтения» — святитель Феофан Затворник, который «внимательно и поощрительно следил за его энергичскою и полезною деятельностью»³.

Пожалуй, одним из первых о. Григорий написал о значении ежегодных пасхальных и рождественских посланий старца, а также подготовил их публикацию: «Письма к частным лицам главное значение имеют для этих лиц. Не то эти послания: они важны для всех, ибо для всех и писаны. Они писались старцем из года в год, к каждой Пасхе и Рождеству. Обыкновенно он или сам писал, или диктовал первый экземпляр послания. Затем с него снималось тут же несколько копий, которые рассылались в ближайшие женские монастыри, где монахини-почитательницы старца наперерыв спешили изготовить как можно более копий. Участвовать в этом добром деле почиталось сестрами за счастье. Особенно много таких копий писалось в Белевском (Тульской губернии) женском монастыре. Затем, когда достаточно копий было изготовлено, они присылались к старцу, он их подписывал своим именем и рассылал тысячами. Получившие же их также старались распространить между своими близкими, как лучшие праздничные подарки. Старец смотрел на это дело серьезно. И потому обычно писал эти послания с большим усердием. Они — необыкновенно назидательны; в них — глубокая аскетическая мудрость. Все они проникнуты горячей любовью старца к своим духовным детям: это пишет именно отец своим нежно любимым детям. Сии послания — самый драгоценнейший для будущего памятник пастырской деятельности почившего» (1892. № 12. С. 607–608).

Старец писал общие праздничные послания, начиная с 1870 г. и до своей кончины. Это были послания, обращенные ко всем чадам Русской Православной Церкви. Многообразие их содержания можно проследить на основе Рождественских посланий: в них в сжатой и доступной форме излагался смысл праздника: «О Великом снисхождении Рождшагося Господа и о нашем окаянстве» (1870), «Должно помнить ангельское славословие и не прилепляться к скоропреходящему» (1873). Приводились разъяснения рождественской службы: «Объяснение кондака Рождества Христова» (1879), «Объяснение ирмоса: Христос рождается» (1881), «Объяснение Рождественского ирмоса:

³ Миловский Н., свящ. Воспоминания о архимандрите Григории (Борисоглебском), бывшем инспекторе Московской Духовной Академии: по поводу 3-х лет кончины // Душеполезное чтение. 1897. № 2. С. 312.

Таинство странное» (1882). Разъяснялся смысл Священного Писания: «Объяснения псалма 22» (1880), «Объяснение слов: милость и истина средоточия» (1884), «Объяснение слов: сердцем веруете в правду, усты же исповедятся во спасение» (1886), «Объяснение слов псалма: благ и прав Господь, сего ради законоположит согрешающим на пути. О покаянии» (1887), «Объяснение слов первого послания апостола Павла (1, 14–16). О страхе Божиим как средстве к достижению святости» (1888), «Объяснение слов псалма (117, 18–21): Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя. Отверзите мне врата правды, вшед в ня, исповемы Господеви: сия врата Господня, праведнии внидут в ня» (1889), «Объяснение слов псалма: „Егда забудет ущедрити Бог, или удержит во гнев Своем щедроты Своя“. О милосердии Божиим» (1890). Давались общие советы по борьбе со страстями: «Об унынии, забвении и неведении, как врагах нашего спасения» (1876), «Об искоренении зависти» (1878), «Смысл скорбей» (1885).

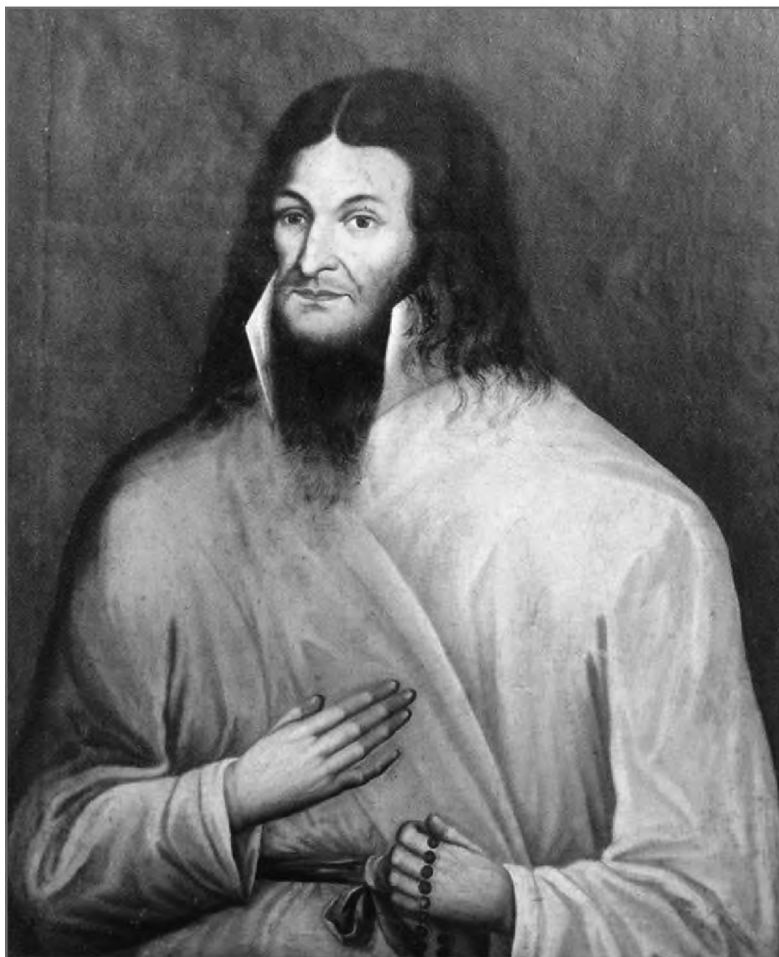
Редакция обращалась к читателям с просьбой предоставлять для публикации материалы о старце Амвросии, а также заверяла читателей в том, что в самом журнале будет продолжено печатание найденных свидетельств о жизни подвижника. Такое обращение было своего рода ответом на большой интерес к публикациям со стороны русского общества. Так, в мае 1892 г. редакция опубликовала призыв к читателям: «Все материалы и сведения о жизни, деятельности и творениях в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха отца Амвросия будут приниматься и печататься в Душеполезном чтении по-прежнему. Из двух последних книжек журнала читатели ясно видят, что сам начальник скита, отец иеромонах Анатолий деятельно содействует редакции «Душеполезного чтения» в нелегком для нее деле собирания точных сведений о почившем старце, за что редакция и приносит Его Высокопреподобию о. Анатолию глубокую благодарность» (1892. № 5. С. 156).

Когда вышло в свет «Краткое сказание о жизни оптинского старца иеросхимонаха о. Амвросия. С приложением избранных поучений его», составленное Ерастом Вытропским, редакция «Душеполезного чтения» одной из первых сообщила об этом. Книгу предлагалось купить или на складе издательства в Оптиной Пустыни, или, что было гораздо доступнее, в редакции журнала «Душеполезное чтение» по цене 15 коп. (1893. № 6).

Несмотря на выход данного издания, в Оптиной Пустыни продолжали работу над составлени-

ем полного жизнеописания почитаемого старца. В феврале 1897 г. в скиту было составлено обращение к читателям журнала, которое было напечатано в апрельском номере: «Приступлено к составлению полного жизнеописания приснопамятного старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха о. Амвросия. В виду сего покорнейше просим лиц, входивших в личные или письменные сношения со старцем, сообщить нам, во славу Божию, о различных случаях проявления над ними спасающей благодати Божьей во внешних и внутренних обстоятельствах их жизни по влиянию и святым молитвам в Бозе почившего старца. Адрес для сообщений: Калужской губернии, Козельского уезда, Оптиной Пустыни начальник скита иеромонах Иосиф. Покорнейше просим редакции газет и журналов, сочувствующих сему благому делу, не отказать перепечатать настоящее объявление» (1897. № 4. Объявления. С. 775).

В ответ на это объявление в Оптину Пустынь стали приходиться письма от читателей. Некоторые из писем обитель отправляла в редакцию для публикации. Одно из них — от Николая Яковлевича Широкова из города Глазова Вятской губ. — было опубликовано в октябрьском номере журнала за 1897 г.: «...спешу вас поблагодарить за то, что вы приступили к составлению полного жизнеописания приснопамятного старца Оптиной Пустыни о. Амвросия; в виду этого и вашего извещения, отпечатанного в „Душеполезном чтении“ за 1897 г. в апрельской книжке, и я также спешу передать вам следующий случай об о. Амвросии. Я весьма был болен, — страдал болью ног и головы. 26-го ноября прошлого 1897 года приносит отец мой от сельского нашего священника книгу „Душеполезного чтения“, в которой я и нашел статью про о. Амвросия. Прочитав ее и размыслив немного, начал я душевно молиться к о. Амвросию об исцелении моих недугов и, помолвившись, тонким сном уснул. Только что успел заснуть, как вдруг заблестал предо мною необычный свет, который вскоре исчез, только остался один след от него в виде облака; и вдруг слышу шаги идущего человека. В скором времени вижу пред собой мужа, украшенного сединой, в мантии с крестом на груди (при сем я постараюсь описать его приметы): росту он невысокого, лицо, истощенное постом, и потому оно весьма светлое; нос с горбинкой, волосы седые, не весьма густые, брада его седая тоже не густая, а голос его весьма звучный; кроме того на левой его руке были четки, а в правой руке посох. Вот он подошел к моему ложу и говорит: „Чадо Николае!.. Восстань, поспеши в церковь, отслужи молебен св. Амвросию Медиоланскому и получишь

Старец Иларион Троекуровский

облегчение скорое“. Он взял меня за руку, благословил и дотронулся своим посохом до моих ног, которые и почувствовали весьма скорое облегчение <...>».

О своем чудесном исцелении Николай Яковлевич сообщил только после кончины старца Амвросия, когда старец «явился во гробе лежащим, повитый в схиму, и сказал: „Что же ты, раб Божий Николай!... умалчиваешь о делах милости Божией“, т. е. не сообщаешь Оптиной Пустыни о исцелении» (1897. № 10. С. 218–219).

В 1900 г. было опубликовано полное жизнеописание старца, о чем и появилось в журнале следующее объявление: «Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха

Амвросия с его портретом и факсимиле. В 2-х частях. Издание в пользу Козельской Введенской Оптиной Пустыни. С требованиями обращаться по следующему адресу: г. Козельск, Калужской губ. Начальнику Оптинского скита о. иеромонаху Иосифу. Цена 1 р., без пересылки» (1900. № 8. Объявления. С. 2).

Жизнеописание было составлено учеником старца Амвросия архимандритом Агапитом (Беловидовым), которому еще сам старец предсказывал, что он будет автором его жизнеописания. Как впоследствии вспоминал о. Агапит, он пришел к о. Амвросию и просил совета, взяться ли ему за составление жизнеописания старца Илариона Троекуровского, который благословил преподобного Амвросия в Оптину Пустынь. «Старец о. Амвросий на это с ласковою улыбкою ответил: „Возьмись, возмись, да и поучись, как надо будет писать жизнеописание-то“. А сам все улыбается и улыбается... Точно он предвидел, что приведет Господь мне писать его жизнеописание»⁴. «Жизнеописание в Бозе почившего Троекуровского

затворника Илариона Мефодиевича Фокина, основателя Богородичного Иларионовского женского монастыря» вышло в 1888 г. и было признано лучшим и самым полным житием троекуровского старца. В 1898 г. в журнале «Душеполезное чтение» было опубликовано жизнеописание оптинского старца-настоятеля схиархимандрита Исаакия (Антимонова), переизданное вскоре отдельным изданием. Архимандрит Агапит писал духовные стихи, а также трудился над другими изданиями. Так, в 1906 г. вышло его переложение на современный русский язык «Жития и Писаний молдавского старца Паисия Величковского» (М., 1847)⁵. Толкование на «Господи, помилуй», которым начинались Писания старца Паисия,

⁴ Цит. по: Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария. М.: Отчий дом, 1997. С. 404.

⁵ Житие молдавского старца Паисия Величковского. Сост. старейшим учеником старца Паисия схимонахом Митрофаном; Перелож. с слав. на рус. яз. архим. А. [Агапит (Беловидов)]. Св.-Троицкая Сергиева Лавра: Изд. Козельской Оптиной Пустыни, 1906. (Собст. тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры). 104 с.

о. Агапит впоследствии издал отдельным листком. Среди агиографических работ о. Агапита особое место занимают составленные им жизнеописания трех столпов оптинского старчества — преподобных Льва (1917), Макария (изд. 1997) и Амвросия (1900), которые являются наиболее полными свидетельствами о духовных подвигах старцев, написанные на основе многочисленных исторических документов, воспоминаний современников и других источников.

Однако далеко не все исследователи Оптиной Пустыни знакомы со статьей о. Агапита, опубликованной в журнале «Душеполезное чтение», в которой автор вынужден был отвечать на обвинения читателей в искажении им духовного облика преп. Амвросия. Многие читатели упрекали автора в том, что он изобразил старца во многих случаях несерьезным. На эти обвинения о. Агапит ответил в журнальной статье: «Некоторые из читателей означенной книги остались ею недовольны... В особенности не понравилось им в ней то, что старец выставлен как имевший обыкновение шутить с близкими к нему людьми. Выскажем на это некоторые соображения. Всем известно, что люди бывают разных характеров: одни имеют характер суровый, угрюмый и обличительный; другие — мягкий, веселый и снисходительный. К этим последним принадлежал и оптинский старец Амвросий, как он и сам имел обыкновение высказываться о себе: „я характера мягкого“. И лично знавшие старца то же могут подтвердить, а вместе и не могут отрицать его шутливости. В письмах же старца Амвросия находим следующую заметку: „Прп. Макарий Египетский пишет в беседах своих, что и самая благодать не изменяет двух свойств в характерах человеческих, сурового и мягкого“ (См. переписку о двух сновидениях, в конце). Прибавим к сему, что веселость и шутливость человека-грешника, вследствие нечистоты его сердца, всегда бывают направлены к худой цели: или просто попраздновать, или осудить и позлословить кого-либо, даже из находящихся при нем и проч. От того и шутки его бывают укоризненные, иногда даже непристойные, и вообще предосудительные и обидные для тех, против кого они направлены. По очищении же сердца от заразы греховной, и по получении особой благодати Божией, веселость и шутливость человека направляются уже совсем к противоположной цели, — и, прежде всего, к прогнанию в людях уныния и чрезмерной печали, которыми враг рода человеческого часто доводит их до отчаяния в своем спасении, иногда же и до самоубийства. Оттого и шутки такого человека бывают благопристойные, безобидные,

Старец Лев Оптинский

и не только не предосудительные, но и для всех благомыслящих людей весьма желательные. <...> С укором относящиеся к новому жизнеописанию старца Амвросия говорят: „для нас-то, лично знавших батюшку, шутливость его несоблазнительна; а незнавшие будут блазниться“. На деле же выходит наоборот. От не знавших лично старца не слышно неодобрительных отзывов о жизнеописании, а знавшим мерещится — неведомо что. Чтобы придать большее значение высказанному мнению, люди эти, желая притом замаскироваться, приписывают это свое мнение другим благонамеренным и благомыслящим лицам. — Но это уже ложь и клевета, от которых да избавит нас Господь» (1901. № 2. С. 308, 310).

Несмотря на вышедшие жизнеописания, работа над составлением нового, более полного жизнеописания старца была продолжена. К столетию со дня рождения прп. Амвросия было опубликовано «Описание жизни блаженного памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия в связи с историей Оптиной Пустыни и ее старчества» (Калуга, 1912), составленное известным духовным писателем и духовным сыном прп. Амвросия протоиереем Сергием Четвериковым (1867—1947), автором многочисленных работ об Оптиной Пустыни и оптинском старчестве. По свидетельству самого

Протоиерей Сергей Четвериков

автора, «знакомство с письмами о. Амвросия возбуждало во мне желание составить его полное жизнеописание, что и было мною сделано летом 1911 года в той же Оптиной пустыни»⁶.

Некоторые работы о. Сергия просматривали и рецензировали оптинские иноки. В частности, к рукописному жизнеописанию о. Амвросия архимандрит Ксенофонт и старшая братия составили 59 замечаний⁷, которые они просили учесть.

Отец Сергей принимал участие в подготовке к изданию писем старцев о. Амвросия и о. Анатолия (1909). Он же составил небольшую брошюру, которая была неоднократно переиздана в дореволюционные годы: «На службе Богу — на службе ближним, или Какую пользу приносят русскому народу православные монастыри (по письмам оптинских старцев о. Амвросия и о. Анатолия)». Причем автор подготовил и существенную редакцию книги⁸.

В 1925 г. в Братиславе о. Сергей заканчивает исторический очерк «Оптина Пустынь», где, под-

водя итоги развития обители, сравнивает важнейшие эпохи духовной истории монастыря с сезонными изменениями, происходящими в жизни природы. И в конце задает вопрос, который актуально звучал и в недалеком прошлом: «...начинается суровая, жестокая, холодная, беспросветная зима — царство большевиков. Оптиная Пустынь замирает, погружается в глубокий зимний сон. Круг ее жизни, цветения и плодоношения закончился. Придет ли опять весна? Повеет ли опять теплом и любовью? Проснется ли снова к жизни Оптиная Пустынь? — Это ведомо единому Богу!»⁹

Публикация нового жизнеописания прп. Амвросия, составленного о. Сергием, не осталась незамеченной со стороны читателей «Душеполезного чтения». Подробный отзыв на книгу был опубликован протоиереем И. Соловьевым: «Великое спасибо скажут о. прот. Сергию Четверикову все те ведомые и неведомые, сознательные и несознательные почитатели памяти о. Амвросия, которые прочтут как нельзя более благовременно к самому дню столетия со дня рождения старца вышедшую из печати книгу о. протоиерея «Описание жизни блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия, в связи с историей Оптиной пустыни и ее старчества». Написанная с искренней любовью и благоговением к старцу, на основании всех доселе известных в печати сочинений старца и о старце, а также устных и письменных рассказов и воспоминаний о нем разных лиц, она не механически лишь повторяет написанное прежде и не внешнюю лишь сторону жизни старца воспроизводит, а в живых и действительных чертах живописует духовный образ его, как великого учителя жизни и любвеобильного руководителя к Богу. В ясных и живых чертах изобразив замечательное духовное движение в православном иночестве в начале прошедшего столетия, связанное с именем о. Паисия Величковского, участие в этом движении Оптиной пустыни и духовное воспитание и возрастание в ней о. Амвросия под руководством старцев Леонида и Макария, о. Сергей главное

⁶ Сергей Четвериков, прот. Оптиная Пустынь // Сергей Четвериков, прот. Правда христианства. М., 1998. С. 340.

⁷ Четвериков Сергей Иванович. Подготовительная рукопись к изданию жизнеописания старца иеросхимонаха Амвросия с замечаниями архимандрита Ксенофонта. 1911. 270 л. // НИОР РГБ. Ф. 213. К. 51. Ед. хр. 5.

⁸ Об этом свидетельствуют замечания автора на III издание книги, с многочисленными вклейками и правками по тексту. См.: Четвериков [Сергей Иванович]. На службе Богу — на службе ближним, или Какую пользу приносят русскому народу православные монастыри (по письмам оптинских старцев о. Амвросия и о. Анатолия — брошюра, подготовленная к 4-му изданию, значительно дополненному и переработанному). (Название предыдущего издания: Четвериков [С.И.] На службе Богу — на службе ближним. К вопросу об общественном значении православного монашества по письмам оптинского старца скитоначальника и духовника схиигумена отца Анатолия). [После 1908 г.]. 39 л. // НИОР РГБ. Ф. 213. К. 51. Ед. хр. 4.

⁹ Сергей Четвериков, прот. Оптиная Пустынь // Сергей Четвериков, прот. Правда христианства. М., 1998. С. 398.

внимание останавливает на старчестве батюшки в его переписке со светскими и монашескими лицами, в его духовно-назидательных беседах с теми труждающимися и обремененными, скорбящими и озлобленными, которые тысячами приходили к нему ежедневно в течение целых десятков лет, в создании им Шамординской обители и заботе о ней и, наконец, после сказания о последних днях жизни старца и о кончине его, говорит о проявлениях благодатной силы Божией в нем» (1913. № 1. С. 126–127).

Некоторые статьи, которые публиковались в журнале, могут послужить также материалами к жизнеописанию старца. Это, в частности, статьи епископа Трифона (Туркестанова, 1861—1934), начавшего свою монашескую жизнь в Оптиной Пустыни под руководством старца Амвросия. Через всю свою жизнь он пронес глубочайшее уважение и память о своих первых наставниках. В 1895 г. защитил диссертацию на степень кандидата богословия «Древнехристианские и оптинские старцы»¹⁰. Были опубликованы его проникновенные слова, посвященные памяти преп. Амвросия и Варсонофия¹¹, а также другие труды.

В 1912 г. сперва в журнале «Душеполезное чтение» (№ 5. С. 104–119), а затем и отдельно¹² было опубликовано его выступление «Шамординская Казанская Амвросиевская пустынь и ее основатель старец иеросхимонах Амвросий», произнесенное 4 марта 1912 г. в большом зале епархиального дома в Москве.

Стихи

В журнале публиковали и стихи, посвященные прп. Амвросию. Лишь только некоторые из них стали впоследствии широко известными, большинство так и осталось в журнальном варианте.

Первое стихотворение без указания автора появилось в конце 1892 г. (№ 12. С. 606–607) в составе «Сказания о житии оптинского старца, отца иеросхимонаха Амвросия», написанные иеромонахом Григорием (Борисоглебским):

Среди лесов, в стране далекой и глухой,
Обитель мирная издавна приютилась,
Стеною белою от мира оградилась
И в небо шлет мольбу за пламенной мольбой.

Обитель мирная, приют больных сердец,
Разбитых жизнью, обиженных судьбою,
Иль чистым сердцем душ предизбранных Тобою,
О Всемогущий и Всеведающий Отец.

Пусть буря там вдали, немолчный гул валов,
Пусть пенится, кипит страстей житейских море,
Пусть волны грозные бушуют на просторе, —
Здесь пристань тихая у верных берегов...

Здесь так молитвенно и ласково шумит
Вершинами дерев сосновый лес душистый;
Свой бурный бег смирив, здесь лентой серебристой
Река между кустов задумчиво бежит...

Здесь храмы... иноки... и много лет живет
В лесу, в скиту святом, здесь старец
прозорливый;
Но мир о нем узнал: рукой нетерпеливой
Стучит уж в дверь к нему и просится народ...

Им принят всякий здесь: и барин и мужик,
Богатый и бедняк, — всем нужен старец чудный:
Струей целительной в волненьях жизни трудной
Здесь утешенья бьет духовного родник.

Сюда, боец прискорбных наших дней!
В обитель мирную на отдых и молитву:
Как древний муж, гигант-боец Антей,
Здесь силой укрепясь, опять пойдешь на битву.

Здесь хорошо, здесь можно отдохнуть
Душой усталою в борьбе за правду Божью,
И свежих сил здесь можно почерпнуть
На новый, грозный бой с безверием и ложью.

В августе 1893 г. в журнале было опубликовано стихотворение будущего оптинского старца Варсонофия, посвященное старцу Амвросию,

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 172. К. 415. Ед. хр. 2. Опубл.: Трифон (Туркестанов), митр. Древнехристианские и оптинские старцы / Подг. и публ. Н. Лазарева. М.: Мартис, 1996.

¹¹ Речь при погребении старца Амвросия // Агапит (Беловидов), схиархим. Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. Ч. 2. С. XIX—XXI. (Переизд.: С.-Посад, 1992).

Слово на отпевании старца Оптиной Пустыни схимонаха Варсонофия 6 апреля 1913 г. // Московские ведомости. 1913. 9 апр. № 82. (То же: Памяти оптинского старца Варсонофия. М., 1913. Переизд.: Надгробная речь митр. Трифона // Надежда. Гр., 1980. Вып. 6. С. 231–233).

¹² Шамординская Казанская Амвросиевская пустынь и ее основатель иеросхимонах Амвросий: Чтение в пользу бесплатной глазной лечебницы. Сергиев Посад, 1912. Свидетельством благодарности со стороны шамординских монахинь можно считать издание, посвященное матери владыки Трифона «Памяти В. А. Туркестановой» (Шамордино, 1913), первоначально опубл. в журнале «Душеполезное чтение» (1913. № 10. С. 266–268).

имевшего и другие стихи, посвященные памяти русских подвижников, своих современников — «Памяти в Бозе почившего епископа Феофана Затворника» (+6 января 1894 г.), «Памяти старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха отца Анатолия, преемника и носителя старческих заветов после кончины старца иеросхимонаха отца Амвросия» (25 января 1894 г.). Это был особый цикл стихотворений, где автор рисовал развернутое поэтическое полотно жизни и духовных подвигов русских иноков. Характерно, что стихотворение о старце Амвросии прислал в редакцию скитоначальник и будущий прославленный оптинский старец Анатолий.

Начинается оно мощным вступлением, прославляющим память преп. Амвросия:

Блажен, кто, путь свершая тесный,
Кумирам тленным не служил,
В чьем чистом сердце Царь Небесный
Себе обитель сотворил.
Блажен, кто страсти победил
И чужд был суетных стремлений,
Кто среди житейских треволнений
Свой крест безропотно носил
И был утешитель скорбящим
И перед миром, в зле лежащем,
Как раб колен не преклонил!

Это стихотворение было опубликовано в журнале вторично, через несколько лет, в статье епископа Трифона (Туркестанова) «Шамординская Казанская Амвросиевская пустынь и ее основатель старец иеросхимонах Амвросий» (1912. № 5. С. 104–119), причем автор был скрыт под псевдонимом Странника (под которым часто писал прп. Варсонофий), а стихи положены на музыку Нила Сергеевича Буйлова, известного духовного композитора конца XIX — начала XX в., автора музыки многих церковных песнопений: «Святой Боже», Херувимской, «Милость мира», «Достойно есть», «Отче наш» и др., писавшего также на стихи русских классиков (Ф. Тютчев «Silentium!»). Это свидетельствовало не только о распространении стихотворения, но и о его песенном бытовании.

Преподобному Амвросию посвящали стихотворные строки многие читатели. В 1905 г. было опубликовано обширное стихотворение (41 четверостишие) протоиерея Илии Ливанского, посвященное старцу (1905. № 11. С. 413–418). Вот его начальные строки:

Кому неведом был при жизни
Отец Амвросий среди нас?

Кто в нашей дорогой отчизне
О нем не слышал много раз?

Кто к старцу Божию порывно
Не устремился всей душой?
К кому отнесся безотзывно
Он — всех любивший, всем родной?

Кого он нежно не приветил,
Отечески не приласкал?
На чей вопрос он не ответил?
Кому когда в чем отказал?

Кто отошел когда унылым,
Иль недовольным от него?
Кто в нем, всегда больном и хилом,
Не обретал себе всего?

Письма прп. Амвросия

Письма преп. Амвросия начали печататься с 1892 г., т. е. на следующий год после кончины, и печатались в журнале вплоть до революции. Большинство из них приходило из самой обители и было подготовлено к публикации скитоначальниками иеромонахами Анатолием, Иосифом, а также Ерастом Вытропским, Е. Поселянином, о. Сергием Четвериковым.

Часть писем присылали сами адресаты с краткими вступлениями, а некоторые письма отправляли священники, получая их от своих духовных чад.

Уже в 1892 г. начальник скита Оптиной Пустыни обратился через журнал ко всем читателям с просьбой присылать в монастырь письма старца с целью их публикации: «Оптинский скит, желая издать в свет для общей духовной пользы сочинения в Бозе почившего старца иеромонаха Амвросия, с просьбой к почитателям его, имевшим с ним переписку, чтобы соблаговолили прислать в скит на просмотр имеющиеся у них письма и рукописи покойного, адресуя их в гор. Козельск, в скит. Все письма и рукописи, по минувании надобности, будут возвращены по принадлежности с благодарностию» (1892. № 5. С. 156).

Читатели «Душеполезного чтения» не только с пользой и назиданием для себя обращались к письмам старца, но и сами активно участвовали в обсуждении принципов их публикации.

В этой связи значительный интерес представляет письмо Александра Петровича Саломона (1853—1908), участника русско-турецкой войны 1870-х гг., а впоследствии в 1900—1908 гг. директора императорского Александровского лицея. А. П. Саломон с юности знал о. Климента (Зедергольма), был близок с К. Леонтьевым, дру-

жил с Вл. Соловьевым. Был хорошо знаком с традициями оптинского старчества. Он писал в редакцию о важности публикации писем старца Амвросия для русского общества: «Письма старца не суть только материал для его биографии. Это есть прежде всего *назидательное чтение*. В таких письмах содержится, если можно так выразиться, *казуистика морали*, приложение к частным, иногда очень второстепенным и личным случаям, общих истин христианской нравственности. Человека, придающего значение своему духовному усовершенствованию, живо интересуется вопросом, как поступить при том или другом сочетании обстоятельств, обуславливающих внутреннюю борьбу с невзгодами жизни. Если справедливо, что „ничтоже ново под солнцем“ (Ек. 1, 10), то подобный ревнитель нравственного преуспевания, имеет все данные найти где-нибудь у отцов случай аналогичный с собственным положением. Поэтому весьма желательно облегчить ему способ искания подходящих наставлений. Мне кажется, что это есть главная задача издателей писем духовного старца. К сожалению, собрание писем о. Макария (Оптинского) страдает отсутствием всяких в этом отношении забот. При издании писем о. Амвросия желательно избежать этого недостатка» (1892. № 9. С. 41–42).

Он же предлагал принципы публикации писем старца:

1. Из собранных писем должны быть старательно исключены намеки, по которым было бы возможно добраться до настоящих имен лиц, о которых идет речь.

2. Каждому письму или извлечению из письма должно быть предпослано краткое изложение сущности вопроса, на который данное наставление старца служит ответом.

3. Желательно точное хронологическое указание даты письма.

4. При сообщении извлечений из письма желательно строжайше отделять подлинные слова от неизбежного в некоторых случаях пересказа содержания письма.

5. Желательно, чтобы при доставлении писем сообщался возраст, семейное положение (холостой, женатый, вдовец, отец, сын и т. д.) и насколько возможно общественное положение лица, к которому обращено письмо (помещик, купец, чиновник, священник, монах и т. п.), с отстранением однако всех личных намеков» (см. п. 1).

Надо отметить, что практически все предложения А.П. Саломона были учтены в редакции журнала. При первых публикациях была разработана четкая система шрифтов. Письма печата-

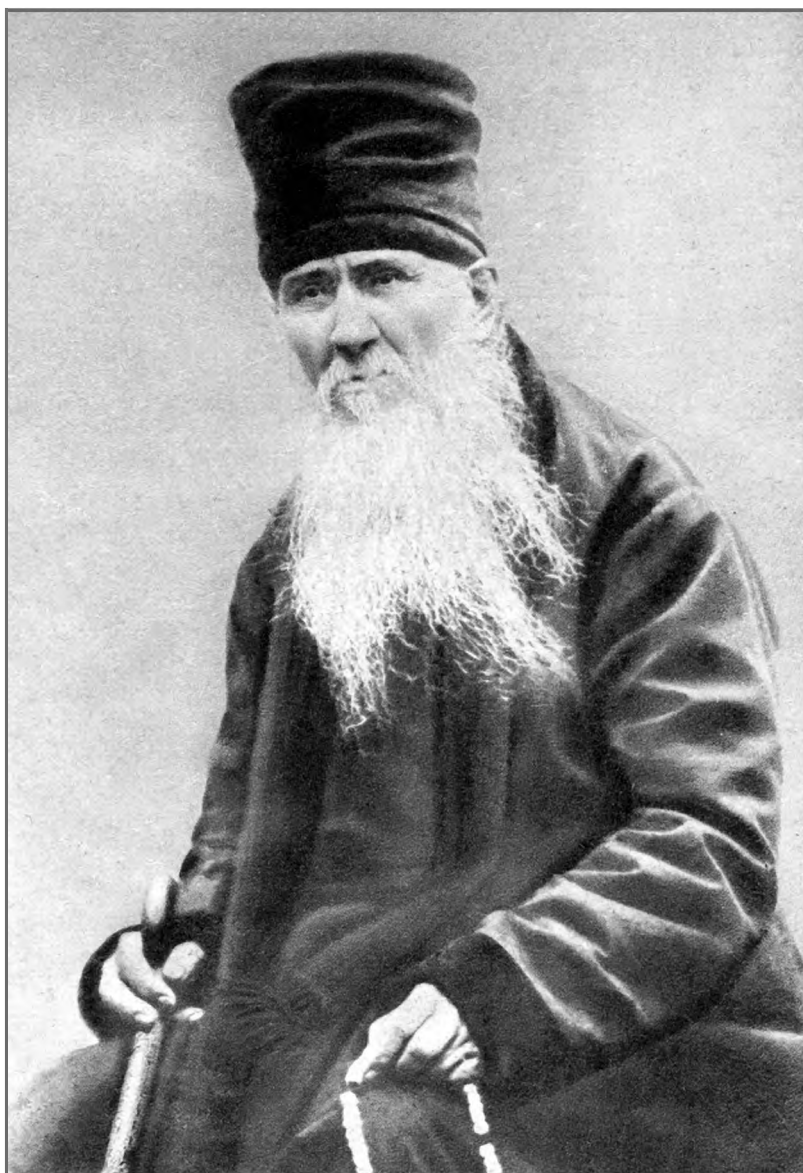
ли, как правило, более крупным шрифтом, чем остальные материалы журнала. Темы выделялись особым шрифтом (в позднейшие годы часть писем печаталась уже без выделения тем). Соблюдался хронологический принцип публикации писем. И в этом сказывался опять-таки особый интерес и внимание, которые проявляли читатели к публикуемым материалам. И надо отметить, что редакция постоянно работала в таком диалоговом режиме.

Князь Н.Д. Горчаков писал о том влиянии, которое оказало на него чтение писем прп. Амвросия. «Очень было бы желательно, чтоб в вашем уважаемом журнале побольше печаталось частных писем покойного мудрого старца отца Амвросия, т. к. именно они касаются вопросов очень нужных и важных, и близких жизни частной каждого семейства, или частного лица, и могут служить советом и назиданием для многих случаев в жизни. <...>

Чтоб недалеко ходить за примером, я укажу на следующий с виду маловажный случай. До сего времени я не обращал особенного внимания, соблюдают ли неукоснительно мои дети столь важное правило, как перекреститься при вставании с постели утром, ложась в кровать или отправляясь в гимназию. Хотя знал, что утром и вечером они читают молитвы. И вот, прочитав в январской книжке „Душеполезного чтения“ в письме к частному лицу мнение о сем великого старца, я усердно просил няню и самих детей стараться не забывать сего правила, которое, конечно, при всей своей легкости исполнения, заставит невольно ребенка вспомнить о Боге» (1893. № 2. С. 345).

Он же отмечал, что письма имеют важное значение для всех слоев русского общества, что редакция должна обязательно продолжить их публикацию, ибо письма вызывают неподдельный интерес: «...именно письма к частным лицам всех сословий, званий, положений, расположений душевных, и ответы на разные случаи жизни, вот что теперь может оказать неоцененную услугу нуждающемуся в мудром совете отцу семейства, или вдове одинокой, или юноше, или гордому богатому человеку, которого светская суэта и тщеславие осуетила до самообожания, но голос души еще не совсем замер. Одним словом, отраднo, приятно и полезно было бы много, много прочесть советов мудрейшего и доброго старца Амвросия, руководиться ими самому и видеть, что и другие не прочь следовать им» (1893. № 2. С. 346–347).

Однако часть русского общества не заметила выхода в свет писем прп. Амвросия. Как писал

Старец Амвросий Оптинский

Н. Лебедев, это были так называемые «философы», которые руководствуются совсем иной мудростью, чем та, которая была у старца: «В последней книжке журнала, величающего себя „философским и психологическим“ указываются книги и журнальные статьи за конец прошлого и текущий год, *имеющие отношение к философии*. <...> Но нет ни малейшего упоминания о *Письмах и Сборнике статей* в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха отца Амвросия!

Весь православный русский народ с благоговением внимал и внимает «мудрым речам» почившего старца; за тысячи верст предпринимал нарочитые путешествия с единственной целью получить

благословение и услышать хотя бы только одно словечко батюшки, и в настоящее время бережет, как святыню, каждую его строчку, если удалось списать ее, тем более — получить самому от почившего. А *наши философы* даже и не подозревают существования мудрости у оптинского старца!!!

Впрочем, печалиться ли нам об этом? Да, явление прискорбное. Но, с другой стороны, и утешительное. Молчание наших философов, и может быть, и намеренное игнорирование ими произведений оптинского старца не характеризует ли лучше всяких слов самих „наших философов“?! Не ясно ли, что их „философия“ не имеет ни малейшего отношения к действительной

жизни? — что их психология не подозревает даже и существования какой-либо русской народной жизни?!

„Наши философы“ не хотят знать и упоминать о *мудрости* отца Амвросия. Но именно это самое, то есть явное отчуждение их и отречение от „мудрости“ оптинского старца всего лучше обережет весь русский православный народ от философии „наших философов“» (1892. № 10. С. 368–369).

Отвечая на духовные запросы общества, редакция подтверждала, что публикация материалов, связанных с духовным наследием Амвросия Оптинского и Феофана Затворника, будет продолжена. В 1894 г. редакция обращалась к читателям: «...за последнее время в нашем журнале обращено особенное внимание на выдающееся служение в Бозе почивших оптинского старца иеросхимонаха отца Амвросия и преосвященного Феофана-затворника. Редакция «Душеполезного чтения» полагает, что их жизнь, письма и статьи представляют вполне авторитетное и самое удобопонятное чтение для всех званий и состояний во всей православной России. Сборник их писем и статей составляет лучшее собрание поучений и ответов на различные вопросы и на всевозможные случаи, — поучений не школьных, а таких, за которыми русский народ шел и к „Батюшке Амвросию“ и к преосвященному Феофану-затворнику за тысячу верст» (1894. № 4. Объявления. С. 8).

Многие читатели, сознавая духовное значение писем прп. Амвросия, сами присылали их в редакцию журнала или прямо в скит Оптиной Пустыни.

Священник Алексей Борзецовский из Ярославской губ. прислал в редакцию в 1897 г. одно письмо старца Амвросия к своему прихожанину, который был исцелен по молитвам старца. Прихожанин, хотя и был крещен в православной вере, но воспитан у старообрядцев. Страдая от болезни ног, он письменно обратился к старцу и рассказал о своей жизни. Отец Алексей снял копию с письма старца, которое, по его словам, «замечательно в том отношении, что показывает соединение в Бозе почившим старцем о. Амвросием врачевания духовного и телесного», и с небольшими комментариями отправил в редакцию журнала (1897. № 3. С. 507–509). В этом же номере редакция выражала благодарность г-же Павловой, приславшей в редакцию 5 писем прп. Амвросия (С. 597).

Священник Троицкой церкви из слободы Новой Калитвы Острогожского у. Воронежской епархии Николай Куфаев писал в редакцию,

что он «счел долгом своим священным письмом о. Амвросия, писанное им за год до кончины к моей одной прихожанке, вам представить слово в слово с тем, чтобы вы предали его гласности подобно письму того же о. Амвросия, которое я недавно в февральской книге вашего многоуважаемого журнала за сей 1898 год прочел с великою пользой для себя и своих пасомых. Думаю я и уверен, что все письма о. Амвросия к частным лицам суть достояние всех труждающихся и обремененных грехи многими: каждое слово о. Амвросия всем одинаково дорого — и православным, и неправославным, простецам и мудрецам, потому что о. Амвросий всем в поднебесной ярко горел светом своего богоразумия и светил животворно всему христианскому миру: *каковую свещу благодатную*, по слову Христа Спасителя, *нельзя ставить под сосудом* (так), *но на подсвечнике* (Мф. 5, 15), да светит всем в велицем Дому Божиим во спасении душ ваших» (1898. № 4. С. 749–750).

Священник Иоиль Федоров предварял публикацию письма следующими словами: «Уважаемая моя родственница и духовная дочь — Агрипина Сисоевна Биликина, сообщая мне про то незабвенное впечатление, какое произвел на нее при свидании блаженной жизни старец иеросхимонах о. Амвросий, на мой вопрос: не имела ли она с ним переписки, показала мне полученное ею от него письмо, копию которого почтительнейше редакции представляю, зная, как вы дорожите его письмами (1899. № 11. С. 500).

Священник Василий Покровский из с. Княжа Холмского у. Псковской губ. также передал в редакцию письма старца к своей прихожанке: «Посылаю 2 письма о. иеросхимонаха Амвросия, которые я случайно увидел у своей прихожанки и попросил их у нее для того, чтобы передать их для напечатания в „Душеполезном чтении“, где печатаются и другие письма о. Амвросия для назидания всех ищущих спасения. У той же прихожанки есть еще одно письмо о. Амвросия, но его мне она почему-то не отдала, желая, вероятно, сохранить его на память, хотя я и разъяснял ей, что по снятии копии с письма его могут возвратить. И я покорнейше прошу редакцию возвратить хотя одно письмо, так как хочу его оставить, тоже для памяти о великом старце, в своей церкви» (1900. № 4. С. 704–705).

Публикация писем продолжалась в журнале в течение многих лет, и эти материалы вызывали постоянный интерес у читателей. В 1901 г. отмечалось 10-летие со дня кончины прп. Амвросия, и редакция опубликовала некоторые письма, в которых содержалась оценка

Скит во имя святого Иоанна Предтечи,
при Козельской Введенской Оптиной Пустыни

духовного эпистолярного наследия преп. Оптинского старца. Например, М. Лавровский писал: «Читая письма оптинского старца иеросхимонаха отца Амвросия, иногда думаешь, что и я написал бы такое письмо. Так написали бы, вероятно, и все священники. Но вот маленькое различие: наши письма, если и прочтут, то отложат в сторону и больше никогда к ним не возвратятся. А письма „Батюшки Амвросия“ вот уже в течение целых десяти лет со смерти его печатаются в каждой книжке „Душеполезного чтения“, и постоянно они читаются и *перечитываются* несказанное число раз. Отчего это?! Нам пришлось как-то говорить об этом с простыми людьми, с так называемыми „простецами“, и вот они что поведали нам: „как припомним, как нас встречал Батюшка Амвросий, как меня — кухарку и его — дворника выслушает, расспросит, пожурит и утешит, а придешь в другой и третий раз, встретит уже как родных, дорогих ему, отрет всякую слезу, разгонит всякую печаль, даст совет во всякой нужде, то и не

можешь никогда забыть этого и дорого каждое его писанище, каждое его слово; и когда барыня даст нам новую книжку Душеполезного чтения, то мы письма отца Амвросия всегда читаем на коленях и никогда не можем читать их без слез. Так они чувствительны: „Слушая подобные отзывы, лучше понимаешь слова „Имейте соль в себе“ (Мк. 9, 49) и „да будет слово ваше солию растворено“ (Кол. 4, 6); „хочу *пять* словес *умом* моим глаголати“ (1 Кор. 14, 19), „слово мое и проповедь моя не в препрительных человеческих премудростях словесех, но *в явлениях духа и силы*“ (1 Кор. 2, 4), и это относится к слову не тогда только, когда его произносят, но и к слову записанному. Отсюда — сила писаний святых Отцев, отсюда сила и писем „Батюшки Амвросия“. Хотелось бы быть на его могилке, в день его кончины, тем более по случаю его десятилетия, но это оказывается совершенно невозможным. Прошу редакцию Душеполезного чтения поместить хотя бы только настоящие строки». 1901 г. 5 сентября. (1901. 11. С. 480–481).

Сборники статей

С 1892 по 1894 г. в журнале печатались тематические «Сборники статей иеросхимонаха отца Амвросия», которые приходили из Оптиной Пустыни и были составлены на основе писем старца. Эти публикации были подготовлены по благословению скитонаачальника Анатолия (Зерцалова). Всего за несколько лет вышло около 100 подобных сборников. Темы статей были самые разнообразные и отвечали на вопросы, которые волновали общество.

1. Неправильное понимание учения о Св. Троице (студенту-филологу).
2. Ответы сомневающемуся о православных догматах.
3. О таинстве елеосвящения.
4. О почитании св. мощей.
5. О крестном знамении (о значении слов).
6. О различии нечистот внешних и духовных.
7. О молитве.
8. О посте.
9. О посте.
10. О смирении.
11. Об издании писем о. Макария.
12. О крещении черкеса-муллы (мысли о заблуждающихся племенах и народах).
13. О трех брошюрах духовного содержания.
14. Изъяснение 126 псалма.
15. Сановнику: как держать себя в разговорах о церкви.
16. Изъяснение слов 127 псалма.
17. Иностранщина. Жизнь около монастыря. Угадчица. Когда носить крест с мощами.
18. Когда является помощь Божия?
19. Вода и камни.
20. Для нового начальства старое «казначейство» нейдет.
21. Испытания ходят не по лесу, а по людям.
22. О шалопутах.
23. Казначейша.
24. Советы христианину о постоянном бодрствовании над собой.
25. О м<итрополите> Филарете.
26. Об испытании юных прежде принятия их в монастырь.
27. О подкинутом младенце.
28. О прогрессе.
29. Скорбь родителей о кончине сына.
30. Католичке о заблуждении Римской церкви.
31. Воля старца.
32. Мысли о получающих власть законно и о восхищающих оную.
33. Что и как читать, чтобы не принять православных мыслей, и о воспитании детей.
34. Расслабление, отчаяние, молитва.
35. Начальнице, стремившейся на покой.
36. Искание покойного пути жизни.
37. Ответ больному диакону.
38. О терпении скорбей.
39. Как подражать Богу.
40. Письмо французенки и ответ о. Амвросия (перевод с французского).
41. Письмо и советы о. Амвросия о табакокурении.
42. К старицам о снисхождении.
43. О вреде самочинных подвигов, о привязанностях и о женском училище и пр.
44. О христианском воспитании детей.
45. О дуэли.
46. К родителям: утешение на смерть юной дочери.
47. Посредницы.
48. Нетерпеливость и раздражительность.
49. Замечательное событие (о безропотном перенесении скорбей).
50. О спиритизме.
51. Чем заниматься?
52. Бедная и богатая.
53. О ревности не по разуму.
54. О недоверии к старицам.
55. Об истинном послушании.
56. Болезнь — подвижничество отраднейшее.
57. О защите жертвователя.
58. Оскорбленные самолюбия.
59. Об училище при монастыре.
60. Наставление: чтобы от матери духовной не уклоняться.
61. Польза болезней (письма старца Амвросия архимандриту Ю.).
62. Совет прельщенной.
63. Об явном и тайном затворе.
64. О достоянии монашествующих.
65. Как ныне дела идут.
66. Старый слой старцев.
67. Сказание некое о горделивых и самолюбивых.
68. Еще о слое старцев.
69. Советы о завешаниях имений.
70. Правый суд судите.
71. Архимандриту Леониду (Кавелину).
72. Количество и качество.
73. Девство и супружество: значение монастырской жизни.
74. Нет худа без добра. Исправление молитв. Преданность в волю Божию.
75. Отношение чад к родителям.
76. О славянских выражениях при переводах святоотеческих творений.
77. Особенности оптинских напевов и о. Климент Зедергольм.

78. Добрые надежды.
79. Великое различие: учить других и самого себя.
80. Опасность отправлять монахинь, особенно юных, в общественные больницы для ухода за больными, на случай войны.
81. Жизнь общежительная и пустынная.
82. Монастырский синодик и перемены в составе братии монастыря.
83. Учение без смирения.
84. Пастырь пастырей русской церкви.
85. Наставления игумении.
86. Ходатайство пред епископом за оклеветанного священника.
87. Отступление по необходимости от некоторых формальностей не есть отступление от Апостольских правил.
88. Римскому католику, женатому на православной.
89. О снисходительности.
90. О неудобствах и неустройстве обители.
91. Доброе свидетельство об оклеветанном священнике.
92. Сновидения и разъяснение недоразумений.
93. Искус.
94. Степени восхождения от меры в меру.
95. Таинства премудрости Божией.

Например, в статье «О прогрессе» содержится ответ на письмо, в котором старца спрашивали о целесообразности духовного и нравственного совершенствования, если перед концом света человечество не будет отличаться нравственностью. «Прогресс или улучшение, — пишет старец, — есть только во внешних человеческих делах, в удобствах жизни. Например, мы пользуемся железными дорогами и телеграфами, которых прежде не было; выкапывается каменный уголь, который скрывался в недрах земных и т. п. В христианско-нравственном же отношении всеобщего прогресса нет. Во все времена были люди, которые достигали высокого нравственного христианского совершенства, руководствуясь истинною верою Христовой и следуя истинному христианскому учению, согласному с откровением Божественным, какое Бог (пророчество) в Церкви Своей являл чрез мужей Богодухновенных, пророков и апостолов. Такие люди будут и во времена антихристова, которое их ради и сократится, по сказанному „избранных

ради прекратятся дни оны“» (Мф. 24, 22) (1892. № 12. С. 730).

В статье «О посте» содержалась его духовная характеристика: «Очень рад, что служащие у вас стали почитать среду и пятницу, не нарушая правила церкви о посте. Примеры немцев и других иностранцев ввели в заблуждение русских православных не уважать поста, уверяя, что в пище мало греха, или совсем нет греха. Если бы это было справедливо, то Адам и Ева не были бы изгнаны из рая за вкушение плода от запрещенного дерева, а дерево это было смоковница. Но сила греха состояла не в плоде дерева, а в запрещении и преслушании. Так и теперь грех не в пище, а в запрещении и преслушании правил церкви. Господь же во святом Евангелии глаголет: аще преслушает церковь, буди тебе яко язычник и мытарь. Будет ли тому хорошо на страшном суде, кто явится там в числе язычников? Русскому православному человеку вернее и лучше рассуждать и действовать не по-немецки и не по иностранным обычаям, а согласно с правилами православной церкви. Апостол пишет: Един Бог, едина вера; то есть, как истинный Бог один, так и истинное вероисповедание одно, наченшееся от Иерусалима, а не от Рима. Православная церковь во всей вселенной едина — в Иерусалиме, в Антиохии, в Александрии, в Греции и в России» (1892. № 8. С. 669–670).

Помимо статей, составленных позднее на основе писем, в 1902 г. в журнале были опубликованы три оригинальных сочинения прп. Амвросия «Письмо племянницы, православной инокини, к дяде-лютеранину», «Ответ благосклонным к Латинской Церкви о несправедливом величании папистов мнимым достоинством их Церкви», «О церковном поминовении лиц, принадлежавших при жизни к инославным религиям» (1902. № 1. С. 31–44; № 2. С. 313–329; № 6. С. 199–207; № 7. С. 366–369). Статьи были подготовлены к печати и прокомментированы профессором Московской Духовной академии Николаем Ивановичем Субботиным (1827–1905)¹³. Публикация открывалась обширным предисловием, где автор указывал, что статьи хранились в бумагах о. Климента (Зедергольма). Эти три сочинения впоследствии входили во все сборники писем прп. Амвросия, однако, к сожалению, без всяких комментариев. Таким образом, их первая журнальная публикация до сих пор не потеряла своей актуальности и должна быть востребована

¹³ См. о нем: Колосов Н., свящ. Николай Иванович Субботин: <Некролог> // Душеполезное чтение. 1905. № 6. С. 435–436. Также воспоминания Н. И. Субботина «Церковные ведомости». № 24.

на при подготовке новых современных изданий духовного наследия преп. Амвросия.

Изречения прп. Амвросия

С конца 1891 г., т. е. сразу после кончины старца, стали публиковаться «Изречения старца Амвросия Оптинского, записанные разными лицами себе на память, преимущественно сестрами Шамординской, устроенной старцем, общины». Это краткие, законченные высказывания старца, где в сжатой форме были сформулированы правила духовной жизни. Сказанные в яркой и образной форме, они надолго сохранялись в памяти паломников. По свидетельству о. Агапита (Беловидова), жизнеописателя преп. Амвросия, советы старец давал очень часто «в форме самой простой, отрывочной и нередко шутиливой»¹⁴. «Самое слово его, растворенное солию благодати Божией, имело особую силу и было могучедейственно»¹⁵.

Большинство изречений было записано монахинями Шамординской обители, созданной по благословению прп. Амвросия. Сначала монахини записывали изречения для себя, для своей памяти, но после смерти старца эти записи стали душеполезным чтением для многих людей. Они побуждали человека к раздумью, осмыслению и исправлению многих своих недостатков:

«Одна барыня спрашивает Батюшку на общем благословении: „Правда ли это говорят, что люди со временем измельчают, и будут пигмеи, как и прежде были?“ А батюшка говорит на это: „А я слышал так: сначала были все великаны и богатыри, а потом пошли тужики, все жаловались, тужились, все говорили, что туго; потом явились пыжики (и при этом батюшка надулся и представил гордых, напыщенных), а под конец будут такие, что семеро одну овцу потащут“, — добавил Батюшка.

Батюшка объяснял некоторые стихи псалма: „Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущий“, — это значит: если Господь не благословит что, то напрасно будут труды, „всеу бде стрегий“, — и ничего не устережет, и напрасно рано будет вставать тот человек, не пойдут дела его без благословения Божия.

Батюшка позвал всех очень поздно на общее благословение и был такой серьезный, в руках держал открытое Евангелие и будто не заме-

чал никого, когда все входили; кто-то и говорит батюшке: „Батюшка, что же это Вы нас так поздно позвали да благословить не хотите?“ Тогда батюшка поднял голову и сказал: „Вот я хотел заставить прочесть главу о мытаре и фарисее, но уж теперь поздно“, — и при этом батюшка сказал еще: „Как людская правда бывает часто кривда“. „Что это значит, батюшка?“ спросили тут некоторые. „А это значит то, — продолжал батюшка, — что мы по большей части все только делаем напоказ, чтобы нас хвалили, и молимся напоказ, чтобы нас хвалили, и милостыню творим напоказ, а внутреннего ничего у нас нет“. Потом батюшка говорит монашкам: „Долготерпите, за все благодарите, о всем радуйтесь, молитесь за все непрестанно, а если что из этого не исполните, то выйдет не молва, а чепуха“» (1892. № 5. С. 153).

Эти изречения вызвали огромный читательский интерес. И в редакцию стали приходить письма с просьбой печатать их не маленькими подборками, а большими. На что редактор, предваряя их публикацию в марте 1892 г., отвечал: «Преподобный Памва, будучи неграмотен, захотел учиться грамоте, — и когда учитель его прочитал ему 38-го псалма первый стих: рек, *сохрани пути моя, еже не согрешати ми языком моим*, то преподобный не захотел слушать дальнейших стихов и отошел, говоря: „Довольно для меня и первого стиха, чтобы изучить его самым делом“, — и потом сознавался, что в течение девятнадцати лет едва привык на деле выполнять то, чему поучает этот один стих. Полагаем, что сетующие на медлительность печатания изречений по Бозе почившего отца Амвросия в приведенном примере найдут вполне достаточный ответ для себя. Есть чтение пустопорожнее. Люди, начиненные ветром, хвалятся, что они „сегодня прочитали два тома от крышки до крышки“. И пусть хвалятся. Для подобных читателей слова нечто иное, как ветер. Погуляет немножко в голове и исчезнет бесследно. Изречения отца Амвросия требуют совершенно иного чтения, почти такого же, какой видим в примере преп. Памвы. Имея это в виду, редакция думает, что в книжках нашего журнала печатается этих изречений не менее, а скорее более, чем сколько следует для всестороннего их обсуждения и приложения к жизни» (1892. № 3. С. 527).

¹⁴ Агапит (Беловидов), архим. Житие преподобного Амвросия старца Оптинского: В 2-х ч. Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 1999. С. 162.

¹⁵ Там же. С. 280.

Воспоминания о старце

Одним из первых поделился своими воспоминаниями о старце известный духовный писатель Евгений Николаевич Погожев, писавший под псевдонимом Поселянин (1891. № 12; 1892. № 1, 2, 4; 1893. № 10).

Евгений Поселянин приехал в Оптину Пустынь, будучи совсем молодым человеком после окончания Московской гимназии перед поступлением в университет. Как признавался сам писатель, он «был настроен против монахов. А относительно неизвестного мне оптинского старца, о котором и услышал-то в первый раз, во мне была какая-то злоба, странная по своему напряжению»¹⁶. Старец не сразу принял молодых людей, что только усиливало неприятное впечатление. Однако первая же встреча со старцем сразу рассеяла все пустые мысли и в значительной степени определила дальнейшую судьбу Евгения Николаевича, ставшего преданным духовным сыном преподобного. Его воспоминания, написанные великолепным литературным языком, описывали непосредственные впечатления от встреч со старцем, с сокровенным миром русской святости.

С декабря 1891 г. в журнале стал печататься его обширный материал о старце Амвросии, который начинался следующими словами, написанными вскоре после ухода любимого наставника: «Закатилась яркая звезда православия, погас чудный светильник русского монашества, умолк сильный и дерзновенный молитвенник к Богу, отошел крепкий предстатель и утешитель сирых, томящихся и страдающих, изнемог мудрый наставник и водитель всех жизнию обремененных, окончил земной свой подвиг великий оптинский старец Амвросий» (1891. № 12. С. 628).

Е.Н. Поселянин отмечал важнейшую черту старца — всеобъемлющую любовь ко всем приходящим: «Любить ближних так, чтобы желать им всякого счастья, благословляемого Богом — и стараться доставить им это счастье — было его жизнью и его дыханием. И в этом потоке любви, который обливал всякого приходившего к отцу Амвросию, была такая сила, что она чувствовалась без слов, без действий. К отцу Амвросию довольно было подойти, чтобы почувствовать, как сильно он любит, и, вместе с этим, в ответ на его чувство — открывалось сердце приходившего, рождалось полное доверие и самая тесная близость. Каким образом возникали такие отношения — это тайна отца Амвросия» (С. 637).

После кончины старца Е.Н. Поселянин опубликовал несколько материалов. Но мы обратим внимание на его статью, в которой писатель обращался к тем читателям, которые сетовали на то, что в статьях старец изображался не как застывший образ святости, а как человек, имеющий свои характерные особенности, обладающий даром острого слова и быстрой реакции. Здесь же Евгений Николаевич определял и свою задачу как автора воспоминаний о почитаемом духовном наставнике.

«В иных подробностях этих статей находили умаление нравственного облика старца, искажение действительной чистоты и цельности его монашеского духа — и говорили даже, что великий старец выставлен более юродивым странно-веселым старичком, чем духовным руководителем, отцом монахов и мирян.

Такое жестокое обвинение было основано на описании радостного настроения, которое часто оживляло старца, и выражалось в шутиловом слове или поступке. Почему-то хотели, чтоб об этой стороне характера старца умолчали — будто нарушится уважение к нему в не знавших его читателях, если узнают они, что батюшка смеялся молодым, задушевым смехом, говорил остроумные вещи и был веселым собеседником.

Что ж делать, если у Бога много путей — и если приличная и замкнутая угрюмость вовсе не составляет необходимого условия святости? Говоря об отце Амвросии, хотелось показать его со всех сторон: со стороны его подвигов молитвы, бдения, поста и милосердия, со стороны его чудесных даров, также как со стороны его привлекательной общительности, ласковой, светлой задушевности его обращения.

Своею верою и своими богоугодными трудами отец Амвросий стал праведным и мудрым; но, очистив свою природу от недостатков земного человека, он сохранил в ней все то, в чем не было греха. Религия стремится к развитию личности и ее характера, а не к ее гибели; она возвышает и просветляет, не вытравляя в человеке присущей ему окраски. В этом будет всегда непримиримое различие православной и католической школы, которая гнетет дух, подгоняя все под одну форму.

Зато, какое у нас разнообразие образов и красок в людях церкви, в наших святых. Вместив „внутрь себя Царство Божие“, они не стесняли себя тем, что „рекут о них человецы“. Именно отсутствие однообразных форм благонравия и

¹⁶ *Поселянин Е. Н.* Старец Амвросий: праведник нашего времени. М.: Никея, 2009. С. 188.

отличает сонм наших святых. Из них многие, „да не явятся человекам“, принимали на себя образ веселости, потому что воздыхать и плакать надо пред Богом, а не пред людьми.

Эта глубокая сокровенность избранного сердца и произвела такое удивительное на Руси явление, как наши Христа ради юродивые, которых только и могла создать Русь и которых только она одна поймет.

Поэтому описывать те земные с виду черты, которыми прикрывают подвижники свою святость, сияющую пред Богом, — значит стараться глубже понять их.

Переходя к статьям об отце Амвросии, нужно сказать, что имелось в виду передать то живое впечатление, которое он произвел — не своими только старческими речами, но всем своим обращением. Хотелось описать, каким *человеком* представлялся отец Амвросий. А отец Амвросий и до монашества был, и по монашестве остался русским человеком; а русский человек смышлен, остер на язык, и терпеть не может разных личин. В особенности же чужд русскому миру тип доброжелательного, безличного, утомительно однообразного и скучного пастора, каким некоторым почему-то непременно хочется видеть отца Амвросия, лишив его присущих ему особенностей.

Отец Амвросий более чем кто-нибудь исполнил заповедь о тайне своих подвигов. Многие видели его смеющимся — но едва ли кто видел его во время восторженной молитвы... И он был в этом не только прав пред заповедью, но и милосерден к людям.

Измученные, избитые жизнью, приплывавшие к нему, может быть, из самых страшных омутов этой жизни, как в тихую пристань, прежде всего, нуждались в ласке и снисхождении. Они не смели бы поднять глаз на святого старца, если б он смотрел на них с молчаливою властью, ожидая их признаний. Нужно было заставить их верить, что, на какой высоте он ни стоял — он был человек, им равный, как брат по Христу. И он с бесконечным милосердием — для них — срывал тот ореол, которым их мог ослепить, и подходил к ним простым добрым стариком. Какое сердце было там, за этой простою внешностью человека, они не могли не чувствовать, но, подходя к нему, они не бывали угнетены его величием, благодаря этой простоте, этой веселости.

Вот и говорили бедные люди: „Пришли мы к батюшке, а он сидит такой светленький и веселенький“ — и, Боже, как легко становилось от этой веселости, от этой простоты и шутки, и как благодарно думается теперь об этом ежечасном

подвиге старца, который „умалил себя“, принимая „зрак“ обыкновенного человека в те уже дни, когда на молитве лицо его сияло сиянием небесным.

Вот с какими мыслями составитель статей рассказал о веселости старца.

Все, что старец делал и говорил — этого нечего стыдиться. Некоторым пусть кажется соблазном то, что в сущности, подвиг, мудрость и славный завет» (1893. № 1. С. 112–114).

Живо и с большим возмущением откликнулся Е. Н. Поселянин на страницах журнала на статью известного религиозного философа, литературного критика и публициста В. В. Розанова «Вл. Соловьев и Достоевский», опубликованную в газете «Новое время» (1902. № 9535). Журнал специально для этой публикации выделил новый раздел: «Отклики на современность». Признавая «как нервный, порывистый и оригинальный талант г. Розанова, так и одушевляющее его искание правды, к которой он идет, — может быть, часто окольными, ложными путями, но с искренней ее жаждой», Е. Н. Поселянин «был глубоко поражен отсутствием в статье г. Розанова хоть бы намек на главную силу, создавшую о. Амвросия и сделавшую из него то обаятельное явление, каким знали его духовные дети. Сила эта — Церковь и церковные предания. И эта неполная, а, в данном случае, по неполности и искаженная передача образа дорогого старца, вызвала в авторе, как, вероятно, во всех духовных детях старца, болезненное ощущение» (1902. № 11. С. 499–505). Вывод Е. Н. Поселянина был однозначным: «Глубокое искажение образа старца, пользование им, — человеком, созданным Церковью и до последнего вздоха силу за силой, каплей за каплей крови своей отдавшим этой Церкви, — для противоцерковной пропаганды, — вот что нашел я в этом фельетоне» (С. 502).

Е. Н. Поселянин публиковал в журнале и небольшие зарисовки о старце, в которых в одном эпизоде мог передать особенности общения с о. Амвросием, обрисовать черты его характера. Эти зарисовки во многом сближались с краткими изречениями, которые записывали за старцем монахини. Такие записи фиксировали характерный эпизод, в котором проявлялась как живость характера старца Амвросия, так и его глубокое духовное устройство. Дополняя свои материалы, опубликованные ранее в журнале «Душеполезное чтение», в 1893 г. Е. Н. Поселянин напечатал «Несколько дополнений к статьям об отце Амвросии», где приводил несколько характерных эпизодов:

«Кто-то сказал батюшке: „Вы идете по стопам старца Серафима Саровского?“».

— А почему ты измерила мои шаги?

— Да вот, и старец вы, и монастырь основали. Только тот в каретах не ездил, а вы ездите (а батюшку, может быть, перед тем и привезли в Шамордин в карете).

Батюшка кротко отвечал: „Над ним не было столько власти — у него воли было много. А меня возьмут и посадят“.

Тут же батюшка попросил себе простой воды и добавил, что простой хочет. А ему принесли с сиропом. Он говорит: „я простой просил“, — а ему: „Нет, эту пейте, эта лучше вам“. „Не нужен мне сироп“, — сказал батюшка, но выпил. Тут еще кто-то говорит: „усы вытрите, батюшка“. Вздыхнул старец и говорит: „Вот, — тут велели мне сироп выпить, а ты велишь усы вытереть. Какая уж у меня воля“.

Так учил себя батюшка и в старости подчинению и кротости» (1893. № 2. С. 236–237).

Редакция журнала публиковала воспоминания читателей о прп. Амвросии, причем многие из этих воспоминаний сохранились только в журнальном варианте.

В 1893 году были опубликованы «Несколько дополнений к статьям об отце Амвросии», составленные Анной Александровной Шишковой (+1894)¹⁷. Описывая свое знакомство со старцем и исцеление по его молитвам, А. А. Шишкова обращалась ко всем читателям «Душеполезного чтения»: «Пусть вспомнят и другие почитатели его, и духовные чада, и тоже не скрывают под спудом поразительные впечатления прозорливости и дивных исцелений, испытанных на себе. Неверующие ничему не поверят, но зато какая сладость душе верующей знать, что и в наше время был такой светильник Божий, который любовью ко Господу и к ближним достиг на земле таких благодатных озарений души, и теперь, после праведной кончины своей, будет возносить молитвы ко Всевышнему за всех духовных чад своих и почитателей его блаженной памяти. Рассказав о своем исцелении, не могу я умолчать и о дивной прозорливости сего праведного старца» (1893. № 5. С. 24–32).

Некоторые читатели присылали в редакцию свои воспоминания об исцелениях по молитвам старца. Варвара Дмитриевна Мусина-Пушкина

предоставила журналу свои воспоминания об исцелении ее четырнадцатилетнего сына по молитвам старца в 1878 г. Доктора объявили родителям, что болезнь сына неизлечима и ему грозит глухота. Оставив сына в деревне в Можайском уезде Московской губернии, родители поехали к прп. Амвросию, который ласково встретил их и все время повторял: „Ничего, ничего, — успокойтесь, все пройдет. Молитесь только Богу“. Каждый день мы стали посещать о. Амвросия, и батюшка был настолько милостив, что беседовал с нами подолгу и тем подкреплял и утешал нас всех — говоря, что молитва родителей доходна до Бога. „Веруйте только в Его милосердие и молитесь, а Господь вас утешит“. Мы говорили ему, что не надеемся на свои грешные молитвы, а уповаем на его ходатайство и святые молитвы. Он дал нам понять, что Господь нас обрадует. По совету и благословению старца мы пробыли в Оптине еще три дня, чтобы поговорить. Исповедь у него оставила в нас глубокое впечатление.

Отговев и причастившись Св. Христовых Таин в самый день памяти св. апостол Петра и Павла, мы еще были у батюшки и опять по его благословению остались еще на 3 дня, несмотря на то, что получали об сыне неудовлетворительные известия. Батюшка каждый день повторял: „Не беспокойтесь, Господь вас утешит — веруйте только в Его милосердие!“

Задержав их еще на один день, наконец, старец разрешил им выехать домой. Родители выехали в тревоге. Но на подъезде к имению им сообщили, что сын, хотя и слаб, но кризис прошел. Врачи признали такое исцеление явлением сверхъестественным» (1893. № 8. С. 665–660).

На подобную тему сохранились воспоминания женщины, рассказывающей об исцелении больной груди (1899. № 10. С. 304–312), воспоминания Елецкого землевладельца Федора Петровича Римского-Корсакова (1901. № 8. С. 598–600).

По благословению епископа Костромского Виссариона, в редакцию прислал свои материалы Д. А-ский. Как писал сам автор, первоначально он не очень стремился к старцу: «Что, думал я, особенного он может мне сказать? Я сам с высшим образованием, достаточно изучил и читал Св. Писание» (1903. № 6. С. 214). Однако уже первая встреча со старцем в скромной и небольшой келье изменила взгляд автора: «Небольшая келья, продолговатая; тотчас от двери, налево, печь, а далее

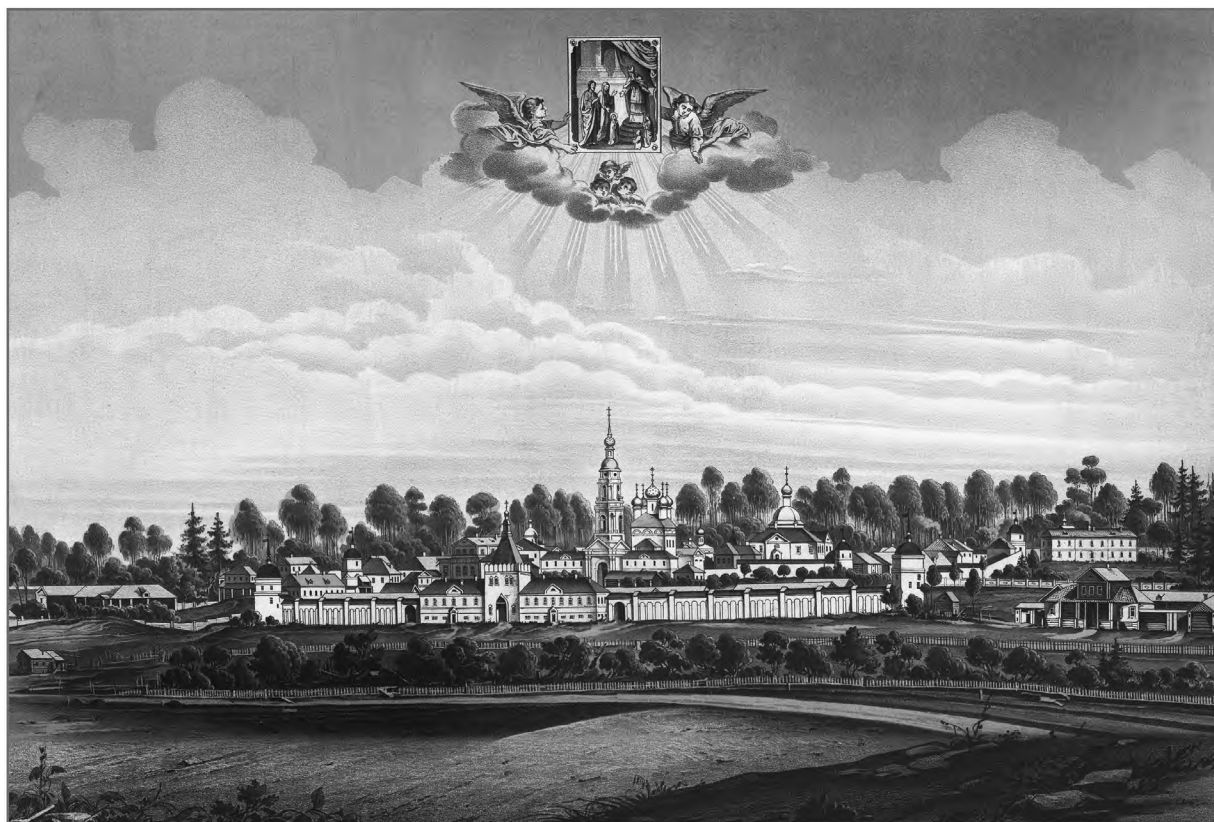
¹⁷ За историческую справку о А. А. Шишковой автор выражает благодарность А. Л. Толмачеву. Согласно справке, Анна Александровна (урожд. Хлебникова) была замужем за Андреем Николаевичем Шишковым (1821—1906), который был владельцем села Архангельское (Грязное) в Ефремовском у. Тульской губ.

деревянная кровать с самой грубой подстилкой; на кровати полулежал о. Амвросий в скуфейке, в ватном полукафтани, в шерстяных чулках. Я подошел под благословение, взглянул на него, и — тотчас колена мои сами невольно подогнулись, чтобы сделать ему земной поклон: такое впечатление произвел на меня его глубокий взгляд: он пронзил меня, и я сразу почувствовал, что это не простой человек; мне показалось, что он уже знает все мои мысли, так что если бы я и захотел сказать ему неправду, так, мне кажется, не мог бы. И всякий раз, как я бывал у батюшки, глаза его, все его лицо имели такую привлекательность, что так бы смотрел на него и не отходил от него. Впоследствии взгляд его объяснил мне, почему великая грешница, женщина бесстыдная, развратная, дерзкая, тотчас упала к ногам Спасителя и зарыдала в раскаянии, как только Он взглянул на нее. Если взгляд о. Амвросия проник мне в душу, то каков же был взгляд Спасителя?!» (Там же. С. 216)

Автор воспоминаний несколько раз встречался и беседовал со старцем. Спустя много лет в его памяти сохранились те наставления преп. Амвросия, которые он исполнял всей жизнью.

Старец дал ему такой совет: «Помните, после сделанного доброго дела или перед ним человеку тому бывают неприятности, которые причиняет злой дух: он не любит добрых дел и потому или мстит за них, или неприятностями желает отвлечь от них человека. Но вы не бойтесь: Господь не выдаст. Чаше ограждайте себя от врага крестным знамением, особенно если будут у вас нечистые мысли, сотворите молитву Иисусову или к Божией Матери, и все дурные помыслы, мечты рассеются, как дым».

И действительно, как показало время, это напутствие старца автор всегда старался помнить и исполнять: «<...> совершенная правда: каждое доброе дело, кто бы его ни сделал, почти всегда сопровождается какой-либо неприятностью; неприятности, огорчения, раздражительность, проявление разных страстей у людей случаются также чаще всего пред большими праздниками или на самые праздники. Стал я следить за собою и по второму наставлению батюшки: оказалось — иногда представляются разные чувствительные образы, появляются неведомо откуда разные нечистые мысли, недоброжелательство к людям и тому подобное, так толпою и лезут в голову

Оптинская Введенская Пустынь

против желания, вопреки даже моих убеждений; но лишь только вспомню совет старца, мысленно сотворю молитву, и что же? — Сознание тотчас проясняется, нечистых образов, мыслей как не бывало. Дивное дело! Но при этом не нужно допускать, чтобы очень сильно завладели эти дурные мечты, поскорее опомниться, хотя на первых порах мне это очень было трудно: все как-то забывал сотворить молитву, или если и опомнюсь и прочту молитву в уме, все-таки вскоре опять с новой силой нахлынут они, опять сотворю молитву, и опять отхлынут, как волна, и так иногда долго продолжается борьба, но потом становилось все легче и легче, все скорее на ум приходит молитва, и легче отгоняется нечистое» (Там же. С. 220).

Материалы об исцелениях по молитвам преп. Амвросия публиковались в журнале достаточно часто. В 1906 г. была опубликована статья о. Сергия Четверикова «Отец Амвросий — целитель больных душ: Два новых случая чудесного исцеления по молитвам к оптинскому старцу о. Амвросию», в которой рассказывалось о помощи, которую получают люди, обращаясь к старцу после его кончины, автор писал: «мы не можем не отметить с радостью того обстоятельства, что и по смерти своей, как и при жизни, старец о. Амвросий продолжает быть целителем больных душ человеческих, т. е. исполняет ту самую, высшую и священнейшую, обязанность, которая составляет сущность христианского пастырского служения» (1906. № 11. С. 429). В статье рассказывалось об исцелении Софии Александровны Монаенковой от душевной болезни, которой она страдала 18 лет после сеанса внушения мысли (т. е. гипноза. — *Ред.*), а также об исцелении Ксении Алексеевны Шершовой, рясофорной послушницы Крайшевского Свято-Тихвинского женского монастыря Аткарского у. Саратовской губ. (1906. № 11. С. 429–438).

Вдова статского советника Надежда Николаевна Мешкова в течение многих месяцев страдала воспалением легких. Когда она совсем ослабела от болезни, то как бы во сне услышала голос: «Отслужи панихиду по иеросхимонаху Амвросию, и будешь здорова». После панихиды ей стало значительно легче. Еще в слабом состоянии она добралась в Оптину Пустынь, где молитвенно обратилась за помощью к старцу. После возвращения из монастыря больная совершенно исцелилась (1906. № 12 С. 626–627).

Материалы по истории обители Старчество

Безусловно, значительная часть публикаций журнала была посвящена преп. Амвросию, одна-

ко в журнале публиковались подборки по истории оптинского старчества. Несомненный интерес представляют материалы, посвященные оптинским старцам преподобным Макарию, Исаакию, Анатолию, Иосифу.

В 1908 г. вышла небольшая новая подборка писем прп. Макария к г-же С. И. N 1857—1860 гг., присланная из Оптиной Пустыни (1908. № 3. С. 383–393; № 4. С. 508–516; № 5. С. 95–100; № 6. С. 209–214). Учитывая, что шеститомное собрание писем старца было подготовлено в обители в 1862—1863 гг., новые материалы, опубликованные в журнале, могут послужить дополнением к этому солидному изданию.

После кончины настоятеля Оптиной Пустыни было опубликовано слово иеромонаха Трифона (Туркестанова), сказанное 29 августа 1894 г. в соборном храме Введенской Оптиной Пустыни в девятый день по кончине о. архимандрита Исаакия (1894. № 10. С. 289–294). В журнале также был опубликован «Очерк жизни настоятеля Оптиной Пустыни архимандрита Исаакия», который был составлен агиографом обители <Агапитом (Беловидовым)> и прислан в редакцию скитона начальником иеромонахом Иосифом (1899. № 1. С. 165–170; № 2. С. 223–231; № 3. С. 452–466; № 4. С. 639–647; № 5. С. 3–19).

С 1902 г. началась публикация писем преп. Анатолия (Зерцалова), подготовленных к печати преимущественно о. Сергием Четвериковым. Первая публикация «Семь писем оптинских старцев, иеросхимонахов о. Амвросия и о. Анатолия к монахине NN.: Об умной молитве и о старчестве» (1902. № 8. С. 534–542) вышла в том же году отдельным изданием. С конца 1902 г. началась публикация избранных писем оптинского старца Анатолия к монахиням, которая продолжалась в течение многих лет (1902. № 10. С. 282–289; № 12. С. 671–676; 1903. № 6. С. 200–204; № 7. С. 466–469; 1904. № 2. С. 309–313; № 4. С. 678–680; № 5. С. 134–139; № 7. С. 443–445; № 9. С. 150–154; 1905. № 2. С. 225–228; № 3. С. 480–484; № 4. С. 633–637; № 8. С. 551–555; № 9. С. 74–77; № 12. С. 599–602; 1906. № 2. С. 245–249; № 6. С. 250–254; № 10. С. 190–193). Письма о. Анатолия присылали в редакцию и его духовные чада (1911. № 7–8. С. 217–226; № 9. С. 3–12; № 10. С. 153–160).

С 1903 г. в журнале стала печататься работа о. Сергия Четверикова «На службе Богу — на службе ближним (по письмам оптинского старца скитона начальника и духовника схиигумена о. Анатолия» (1903. № 1. С. 56–67; № 2. С. 273–284; № 3. С. 452–460), которая позже вышла отдельным изданием.

В журнале было опубликовано несколько оригинальных сочинений прп. Иосифа. В 1898 г. — «Н.В. Гоголь, И.В. Киреевский, Ф.М. Достоевский и К. Леонтьев пред старцами Оптиной пустыни (из письма в редакцию начальника Оптинского скита о. Иосифа)» (1898. № 1. С. 157—162), в которой творчество писателей рассматривалось в духовном контексте. В 1901 г. — «Можно ли, и как можно православным христианам молиться за христиан неправославных?: Ответ на письмо, полученное из-за границы от русской православной, состоящей в замужестве за протестантом, и по поводу отлучения графа Толстого» (1901. № 11. С. 320—333), в котором старец советовал: «православным христианам молиться за неправославных христиан — живых и умерших — можно частною домашнею молитвою; но при том, еще и еще напомним, не самочинно молиться — не так, как нам вздумается и пожелается, — (дабы вместо благоволения не навлечь на себя гнева Божия), а по наставлению опытных в жизни духовной людей» (С. 331).

Вскоре после кончины прп. Иосифа в журнале было опубликовано очень теплая статья о нем, составленная летописцем и бытописателем Оптиной Пустыни Е<растом> В<ытропским> (1911. № 6. С. 109—113). Статья была закончена автором через 2 недели после кончины старца: «Смиранный видом, с симпатичным тихим голосом, о. Иосиф привлекал к себе всех приходивших к нему за советами. Некоторые протоиереи митрофорные, случайно с ним говорившие, ценили краткое благодатное слово вразумления неученого монаха... Советы о. Иосифа были кратки; говорил немного, но сразу разрешал недоуменные вопросы. В его первых словах выражалась воля Божия. Если же кто домогался более снисхождения к своим немощам, то он уступал просьбам, но это было уже человеческое рассуждение. По вере вопрошающих, он иногда предрекал будущее, и молитвы его пред Господом не оставались втуне» (С. 112).

История обители

Помимо материалов, связанных с духовным наследием старцев, в журнале публиковались статьи, связанные с многообразной жизнью обители: по истории издательской деятельности, подборки материалов об отдельных иноках обители,

записки паломников, а также другие материалы.

По истории издательской деятельности: «Исправления Филаретом, митрополитом Московским, перевода творений аввы Фалассия» (1894. № 12. С. 607—609); «Письмо Высокопреосвященного Сергия, митрополита Московского к о. Порфирию», подготовленное к печати Е<растом> В<ытропским> (1898. № 4. С. 577—578), в котором говорится о подготовке к изданию книги писем задонского затворника Георгия. Письмо преосвященного Феофана Затворника в Оптину Пустынь с просьбой прислать рукопись духовно-нравственных слов аввы Исаии, которая была использована при подготовке оптинского издания, подготовленного к печати Е<растом> В<ытропским> (1900. № 1. С. 147—148).

Отдельная подборка материалов была посвящена оптинскому монаху о. Клименту (Зедергольму) — его письма к отцу, лютеранскому пастору (1902. № 10. С. 226—232; № 11. С. 386—392; 1903. № 1. С. 68—70; № 4. С. 589—593; № 5. С. 33—38).

На страницах журнала впервые был опубликован небольшой отрывок из дневников о. Даниила (Болотова) (1913. № 7—8. С. 266—277). В том же году в журнале (1913. № 5—6. С. 137—1543) было опубликовано краткое жизнеописание о. Даниила за подписью «П. С.»¹⁸. Материалы в редакцию журнала были переданы Владимиром Алексеевичем Воронцовым-Вельяминовым, а им получены от старцев Оптиной Пустыни. Хотя публикация заключалась обещанием продолжения, но оно не последовало. Небольшие отрывки из дневников о. Даниила были опубликованы спустя много лет в советские годы. К столетию со дня смерти о. Даниила нами подготовлена значительная подборка его дневниковых записей, которая, надеемся, в скором времени станет доступной читателям.

Журнал первым из печатных изданий, и фактически последним в дореволюционной истории, предоставил свои страницы для материалов, посвященных иконе Божией Матери «Спорительница хлебов», написанной по благословию прп. Амвросия (1892. № 1. С. 101—116). Известно, что собранные и обобщенные монастырем сведения по истории иконы в 1894 году были направлены в редакцию «Церковных ведомостей», однако

¹⁸ Подпись «П. С.», по мнению известного исследователя жизни и творчества о. Даниила (Болотова) А. Л. Толмачева, можно расшифровать как П<ротоиерей> <Иоанн> С<оловьев>. Отец Иоанн Соловьев — профессор богословия в императорском лицее в память цесаревича Николая, в то время редактор «Душеполезного чтения», вел в журнале библиографический раздел и печатался как автор.

Келья одного из оптинских старцев

так и не были опубликованы. Святейший Синод запретил почитание иконы, что было связано с необычной иконографией и наименованием образа Божией Матери, а также с неоднозначным отношением духовных властей к личности старца Амвросия. Спустя много лет, в ноябре 1993 года, Святейшим Патриархом Алексием II было принято решение о внесении в календарь Русской Православной Церкви дня празднования иконы Божией Матери «Спорительница хлебов» 15/28 октября. Но поскольку это произошло в конце 1993 года, день празднования иконы внесен в церковные календари, начиная только с 1995 года.

Помимо исторических материалов, журнал публиковал заметки паломников в Оптину Пустынь, которые характеризовались живостью восприятия, а сейчас востребованы как исторические источники. В частности, заслуживает внимания статья «Путешествие учеников Мещовского духовного училища в Оптину Пустынь» (1901. № 11. С. 367–396), в которой описана монастырская ризница и библиотека: «Ризница помещается на втором этаже храма в честь Казанской иконы Божией Матери, а библиотека в особенном одноэтажном каменном зда-

нии с юго-восточной стороны обители, неподалеку от корпуса настоятеля. Сопровождавший нас инок всею душой послужил нам к удовлетворению нашей любознательности. Пишущий не раз бывал в библиотеках и ризницах монастырей больших городов и нигде не встречал той услужливости и того внимания, какие были выказаны мне и ученикам иноком-путеводителем. Слава Тебе, Боже, показавшему нам свет знания через своего смиренного инока-слугу! Большинство книг в монастырской библиотеке — пожертвовано разными лицами и учреждениями, например, архимандритом Моисеем более 200 книг, более 60 рукописей из библиотеки игумена Антония и более 200 книг отдельными лицами из братии, великой княгиней Еленой Павловной требники и молитвенники православной церкви на немецком языке, княгиней Мариею А. Мещерской издание *Minia Patrologiae cursus completus, series graeca*, 161 кн., кроме того, много книг пожертвовано археографической комиссией, Императорским археологическим обществом и Московским обществом любителей древностей Российских. Осмотр библиотечных шкафов открыл нам доступ к знакомству со многими редкими и ценными книгами:

рукописями, старопечатными книгами богослужебными до 1700 г. и другими редкими книгами. Долее других занимали наше внимание Библии на разных наречиях, не исключая и еврейского, Остромирово Евангелие, богослужебные книги времен Никона: Толковое Евангелие, Лествица св. Иоанна игумена горы Синайской, Пролог, Маргарит, Цветник, Четьи-Минеи Макария и свт. Димитрия Ростовского, богослужебные книги позднейших времен, писанные рукой иноков обители: „Парастас“ и „Правильник“. Летопись епархии Калужской от основания ее до 1860 года, и, наконец, книга с псалмами и молитвословиями для слепцов из монахов. Когда побывали в наших руках: Пролог, Евангелие Толковое, Лествица, то ожили в памяти учеников объяснения по церковному уставу. Прочитав из „Лествицы“ изъяснение добродетели „смирение“ мы повторили урок из Катехизиса о первой заповеди блаженства. Взяв в руки Библию на разных наречиях пишуший отметил разность в чтении текста в разных местах у лютеран и англикан. Когда рассматривали рукописные книги позднейшего времени (Парастас, Правильник), писанные рукой оптинских монахов, то ученики-паломники не нашли слов для выражения своего изумления пред совершенством труда. Совершенство работы и терпение писателя изъяснили нам тем, что эту работу иноки совершали во славу Божию и с помощью свыше. Когда имели в руках книгу псалмов и молитв для слепцов, то помянули благодарною памятью изобретшего способ слепцам читать книги. Взяв в руки „Летопись“ (историю) епархии от основания ее до 1860 г., мы стали искать разъяснение занимавшего нас вопроса об основателе пустыни — разбойнике Опте...

Общее впечатление от библиотеки скитской: она ценное сокровище для любителей богословия и церковной старины. Порядок поддерживается прекрасный. Долго стояли мы пред шкафами с рукописями старцев, и библиотекарь давал нам видеть подлинные письма о. Амвросия и др. Обилен отдел святоотеческих творений и духовных журналов. Много оказалось и таких книг, которые мы видели в библиотеке монастырской. <...>» (С. 385–387, 393–394).

В жанре паломнических заметок в журнале была опубликована небольшая статья А. З. «Белев и Оптиная: заметки путешественника» (1908. № 12. С. 519–578), в которой автор

говорит о высоком духовном уровне женской обители, которая в течение многих лет находится под водительством оптинских старцев, а также статья М. «В Оптиной Пустыни» (1915. № 9–10. С. 31–38)¹⁹, в которой паломница, побывавшая в обители в 1911 г., подробно описывала оптинские службы. Интерес представляют и ее воспоминания о Шамординской обители. Как и другие паломники, она посетила келью прп. Амвросия: «После обедни прошли мы в деревянный домик, в котором жил последний год Батюшка. Над этим домиком С. В. Перлов устроил каменный футляр. В домике все осталось так, как было при жизни Батюшки. Две комнатки, рядом крошечная комната для келейников (одним из них был теперешний старец о. Анатолий). Комнатки низенькие, но светлые, уютные, везде много икон, цветы, простая мебель; в спальне стоит жесткий диван с подушкой, над ним висит большой портрет старца, снятого лежащим. На этом диване лежал последние годы Батюшка, на нем он и скончался. Под подушкой лежат разные листочки, и сестры предлагают всем приходящим брать эти листочки из-под подушки, как бы от самого Батюшки. При виде этого большого портрета и дивана живо представила я себе Батюшку, вспомнила, как терпеливо страдал он в этой комнатке, сам мучался, а всех утешал, веселил и бодрил ласковым словом, порой и шуткой, как часто говорил: „живи в миру, как на юру, никого не осуждай, никому не досаждай, всех люби, всех — беги и всем — мое почтение“» (1915. № 9–10. С. 37).

И заканчиваются воспоминания обращением ко всем читателям: «И удивлялась я, почему в наш тяжелый нервный век, когда все такие измученные, все болящие и скорбящие, все ищут себе исцеления и помощи, набрасываются на докторов, на новые рекламные средства, почему мало кто идет в эти тихие благодатные уголки, в эти лечебницы, врачующие наши души, дающие нам покой душевный, а ведь только этот душевный покой дает и здоровье телесное» (Там же. С. 38).

Много материалов об Оптиной Пустыни, как уже отмечалось, было подготовлено известным духовным писателем Е. Поселяниным. В 1902 г. в журнале была опубликована его статья «Скит при Оптиной Пустыни и воздвигаемый в нем храм» (№ 4. С. 620–631), которая открывалась проникновенными словами: «Есть уголок в России, бесконечно дорогой всем, кому дорого монаше-

¹⁹ Напечатано: Благословенная Оптина: Воспоминания паломников об обители и ее старцах / Сост. Е. В. Помельцова. Изд. Введенской Оптиной пустыни; Изд-во Отчий дом, 1998. С. 90–95.

ство, кто чтит жизнь, полную отречения от сладостей мира, посвященную служению Богу и любви к ближним. Благодатный уголок этот — скит при Оптиной Пустыни: место подвигов нескольких великих, незабвенных старцев» (С. 620). В статье, в частности, рассказывалось об истории построения нового скитского храма Льва Катанского, который после постройки представлял «много удобств для братии. Внизу — место для ежедневных служб; оно может быть также обращено в зимнюю церковь. Под жилым помещением устроены кладовые и духовые печи. Наверху просторный, высокий и очень светлый храм с алтарем и хорами. Сзади три кельи для устроителя и служащего иеромонаха. Выше — ход на хоры, небольшую ризницу — и кельи пономаря, библиотекаря, хор на звонницу и балконы. Над храмом идет библиотека с четырнадцатью полуовальными окнами под самым потолком. А над жилым помещением идут чердаки; по несгораемому коридору боль-

шой бак для воды из колодца о. Амвросия для употребления ее для всего скита» (С. 631).

Публикации об Оптиной Пустыни в журнале «Душеполезное чтение» являются важным свидетельством прошедшей эпохи, позволяющим почувствовать настроение русского общества. Читая старые журналы, невольно обращаешь внимание на равнодушие читателей, их заинтересованность, соучастие в процессе создания и публикации различных статей и материалов. Редакция журнала живо реагировала на мнения читателей, отвечала на их вопросы, вступала в полемику. Именно поэтому можно уверенно сказать, что журнал своими публикациями отвечал на запросы русского общества конца XIX — начала XX в., а нам, читателям журнала в XXI в., эти публикации позволяют глубже понять и почувствовать духовные запросы людей той поры, которые являлись современниками и духовными учениками великих оптинских старцев.

